

* * *

Пришли неизвестно откуда,
Уйдем неизвестно куда.
Последняя выбита ссуда
На смутные эти года.

Быть может, к последнему морю
Выводит дорога судьбы,
Где к звездному тянется рою
Блаженная пыль ворожбы.

Мне слово мое нагадали
На строчках святого шитья.
Мелькнула цыганкою в шали
Бездомная муза моя.

И, прячась строкою в дискету,
Проступит на той стороне
Тот образ, что виден поэту
В небесном предутреннем сне.

Тюльпаны

Упруги,
Быть может,
от влаги,
Но лепестками
лакмусовой
бумаги

Краснеют
В растворе
Воздуха
От ласки
Озябших
Рук.

Мертвый сезон
В доме отдыха.

Горы.
Тюльпаны.
Юг.

* * *

Я помню то оцепененье,
Когда змея в полдневный зной
Как бы на вечное мгновенье
Вопросом встала предо мной.

Не отскочить и не свернуть,
Я стыну камнем на тропе.
И чем закончится мой путь,
Я чувствую, оторопев.

Но путь змеи в каком-то метре
Прошелестел, как будто ветер.
И взгляд, остекленело жгуч,
Исчез в граните горных круч...

Среди листьев

Я не знаю,
Что за птица,
Птица
Крыльями прошелестела.

Или,
Может, это листья,
Листья
В кроне прячут ее тело.

А она
Не хочет, птица,
Птица,
В кроне лиственной гнездиться.

И крылами
В плену листьев,
Листьев
Машет, машет то и дело.

* * *

Ночная электричка,
Вне расписанья путь.
Тьму озарила спичка,
Обозначая суть.

Пройдя жилую зону,
Мне суждено сойти.
К небесному перрону
Все сходятся пути.

* * *

Даже если душа прикорнула, как спящий ребенок,
Несмотря ни на что, это тихое чувство живет.
И влечет меня вдаль по невидимой тропке спросонок,
Хоронясь где-то там, где-то там от нелепых забот.
Кто зажег его, кто заслоняет от сонма событий?
Вне политики, вне демонстраций и митингов вне
В эти смутные дни встрепенется серебряной нитью,
Одичалой листвой затрепещет в раскрытом окне.

После заката

Мне неведомо, кто разжег одинокий костер вдалеке,
Мне также неведомо, где усталое солнце садится,
Мне бы понять, что ветер-пастух к притихшей выходит реке
И что черные крылья расправляет над берегом птица.
Что тень этих крыльев небесных ложится вдали меж холмов,
Вновь настигая отару, плывущую вдоль по ущелью,
Что дышит ночная прохлада в раскрытые окна домов,
Спящую тронув листву, замирает над детской постелью.

* * *

Когда я заплакал однажды во сне,
Волшебное слово промолвили мне.
А утром я вспомнить то слово не мог,
Мне мать отвечает:
— Не знаю, сынок...

Волшебное слово для близких людей
Мерещится рыбкою в неводе дней.
Когда засыпаю – в ночной тишине
Опять это слово приходит извне.
А утром не вспомнить, найти не могу.
Один только вздох, что не вставить в строку.
Как будто бы ношу сын принял из рук:
Всплакнул он во сне, заворочался вдруг.
Заветное слово пройдет ли сквозь сон?
А если пройдет, то запомнит ли он?

Мальчик

И как по тропинке мальчик бежал, по забытой тропинке,
И как по арыку плыл лист пожелтевший,
лист пожелтевший,
И как по дороге, впрягшись в телегу,
шла лошадь понуро,
И как по щеке слеза пролегла, на губах горький привкус.
Высохли слезы, сгнил лист пожелтевший,
а мальчик остался.
Птицы исчезли, скрылась лошадка, а мальчик в матроске
Стоит на обочине детства, взглядом меня провожая...

* * *

Звезда молчит со мной наедине.
Волна спешит, спешит волна к волне.
О волны, волны, вы по звездам сверьте
Необратимый этой жизни путь.
Он далеко за морем где-нибудь
Соприкоснется с горизонтом смерти.

Плывут облака

*О ветер, ветрило, чему, господине,
веешь навстречу?*

Плач Ярославны

Выйду из поезда – степь на все стороны света.
И – на земные края облака, облака оседают
И до синевы приподнимают эти земные края,
Стрелочник с сыном, клин журавлиный и молчаливый сурок,
Связи едины, незаменимы – вместе и в каждом живут.
О ветер, ветрило, чему, господине, веешь навстречу?
Горькую горечь джусана вдыхая, кану я за холмом.
И ветер развеет, как горсточку проса, мысли в пространстве,
Многовековая странствует стая – крылатые мысли.
– Скифы, спешите видеть того, чье слово было законом! –
Ветер возгласы носит из небытия, пали оковы.
Земля плачет древней травую, рельсы плач в бездну уводят.

Веселые птицы садятся на шпалы – и умирают.
По левую сторону я ухожу – и слышу стук сердца.
На правую сторону перехожу – спит балбала* с чашей.
И птичьим крылом я ладони сложу – и линию жизни
Вижу в ладони – будто с рожденья храню нить Ариадны.

* * *

Вздохнув, смахну слезу, невидимую миру,
И сквозь людской поток я побреду туда,
Где ветерок любви озвучивает лиру,
И в сети леса в ночь моя плывет звезда.
Мне в сказочном лесу никак не заблудиться,
Я улыбнусь тому, чему названья нет.
И листья шелестят,
И шелестят страницы,
Из книги бытия глубинный льется свет.

* Каменное изваяние.